

ПОЛЕМИКА

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха

Предметом исследования является семья литературных памятников, повествующих о происхождении правителей Руси и их регалий. Наибольший вклад в изучение этих сочинений внесли И. Н. Жданов,¹ Р. П. Дмитриева,² А. А. Зимин,³ причем мнения их о датировке и о взаимосвязи отдельных памятников во многом разошлись.

Рассказ о потомках Августа и о дарах Мономаха принадлежит к числу легендарно-политических сказаний, распространенных в русской литературе XIV—XVI вв.⁴ Особенностью такого рода произведений являлось то, что сюжет их был прикреплен к определенным историческим событиям, но осложнен фантастическими, легендарными мотивами.⁵ Мифы и легенды входили в эти произведения на тех же началах, что и исторические факты, и это позволяло авторам подобного рода сказаний придавать их сюжету желательную направленность, т. е. изображать прошлое именно таким, каким требовала руководящая авторами политическая идея.⁶

Рассказ открывается историей потомков Ноя, изложенной по-иному, чем в традиционной библейской версии, и уделяющей особое внимание роду Симы.⁷ В рассказе названы потомки Симы — Арфаксад, Месрем и Хус, Фарсис, Гандуварий, Сеостр, Филикс («...и той пооблада вселенной») и Нектанав, являвшийся будто бы отцом Александра Македонского («...сей второй пооблада вселенною»).

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.

² Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; здесь опубликованы тексты важнейших сочинений, содержащих изучаемый рассказ: «Послание Спиридона-Саввы» (далее: ПСС); «Сказание о князьях владимирских» в двух редакциях (далее: СКВ-1, СКВ-2); «Повесть о Аугусте-кесаре» (далее: ПА); повесть о разделении вселенной Ноем (далее: ПН); упоминается также (с. 37—38) «Корень родства великих князей русских» (далее: КР). В статье Р. П. Дмитриевой «К истории Сказания о князьях владимирских» (ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 343—346) приведены данные о редакции рассказа, помещенной в родословном сборнике БАН, Арх. Д., 193 (далее: РА).

³ А. А. Зимин. 1) [Рец. на кн.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955]. — ИА, 1956, № 3, с. 236—237; 2) Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 105—106; 3) Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 129—138.

⁴ М. О. Скрипиль. Легендарно-политические сказания Древней Руси. — Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, 1950, вып. 2, с. 49.

⁵ История русской литературы. Гл. ред. Д. Д. Благой. М.—Л., 1958, с. 191.

⁶ А. Н. Робинсон. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963, с. 85—88; М. О. Скрипиль. Легендарно-политические сказания... с. 53.

⁷ Кн. Бытия, II, 27; Матв., I, 17.

На этом прямая родословная линия, ведущая от Сима, обрывается, и далее речь идет о судьбе власти, которой располагали его преемники, — она оказывается в руках династии Птоломеев, а затем переходит от последней правительницы Египта Клеопатры к римскому императору Августу. «Кесарь Август» вступает во владение регалиями, находившимися ранее у Сеостра и Филикса, и благодаря этому становится преемником изначальных «обладателей вселенной». История Августа заканчивается описанием раздела вселенной между вассалами «кесаря римского», причем особенно подробно говорится о владениях, отведенных мифическому «сроднику» Августа — Прусу, в стране, которая по имени Пруса зовется «Пруская земля».

Из этой-то «Прусской земли» и происходил, по утверждению автора рассказа, первый русский князь Рюрик. Основатель правящей на Руси династии выводился, таким образом, «от рода римска царя Августа», и генеалогическое древо русских князей, доведенное в летописях лишь до Рюрика, присоединялось к более протяженной цепочке, восходящей к правителям древних мировых держав.

Дальнейшее развитие этого мотива содержится в эпизоде перехода на Русь византийских императорских регалий. Упоминание о принадлежности одной из них «кесарю Августу» придавало акту передачи регалий дополнительную историческую глубину и подчеркивало, что корни русской государственности восходят не только к Византии, но и к Риму. Таким образом, легенды о родстве Рюриковичей с Августом и о дарах Мономаха «связали историю Московского государства двойным узлом с давним величием Римской империи».⁸

Вслед за историей даров Мономаха в ПА, КР, ПН и в большинстве списков СКВ-1 и ПСС находится повествование о литовских князьях XIII—XV вв. Р. П. Дмитриева убедительно показала, что рассказ и повествование тесно связаны друг с другом.⁹ Хотя повествование сложилось, по-видимому, значительно раньше, чем рассказ, однако автор рассказа считал нужным присоединить повествование к своему произведению, и с этого момента они стали составлять единый комплекс. Очевидно, объединение их было вызвано тем, что легендарная генеалогия русских правителей выглядела еще более значительной на фоне приведенного в повествовании родословия литовских князей.

Литературная история повествования до присоединения его к рассказу заслуживает специального исследования. В настоящей работе повествование рассматривается как составная часть единого с рассказом комплекса, поскольку это необходимо для уточнения обстоятельств появления его на свет и для восстановления последовательности его редакций.

Хотя рассказ и начинается с библейского мифа, однако почти на всем протяжении он носит светский характер (лишь в раздел о дарах Мономаха введена история раскола между восточной и западной церковью). Образование мировых держав, переход власти от одних правителей к другим — все это происходит в рассказе без вмешательства божественного промысла и обуславливается в каждом случае волей земных монархов.

Легенда о потомках Августа не имела прямых аналогий в предшествующей русской письменности. До сих пор остается в силе наблюдение В. Н. Татищева о том, что «у нас ни в каких старых хрониках сего, чтоб род Рюриков от прусов и от цесарей римских пошел, нет».¹⁰ Тем не менее нельзя сказать, что данный сюжет возник вовсе на пустом месте, и прав был И. Н. Жданов, занявшийся вопросом о том, «под влиянием каких

⁸ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 85.

⁹ Р. П. Дмитриева. Сказание... с. 36, 87.

¹⁰ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 291.

литературных и общественных веяний сложилась эта повесть?». ¹¹ Жаль только, что он рассматривал эти «веяния» в отрыве от других особенностей духовной жизни того времени.

Известно, что всем сферам средневековой культуры была свойственна высокая оценка старины: люди искали свои идеалы не в будущем, а в прошлом. Наибольшим авторитетом и моральным достоинством обладало то, что существовало от века, и поэтому столь распространено было стремление «доказать глубокую древность и, следовательно, респектабельность и законность» действовавших установлений. ¹²

Посредством апелляции к давности происхождения утверждался и престиж феодальных сеньоров, которые в заботе о своих генеалогиях выводили род от легендарных или полубоготворных предков. ¹³ При этом стремление доказать древность правящих династий сочеталось с тенденцией — ввести историю своей страны в рамки традиционной сакральной схемы «спасения человечества». С этой целью не раз делались попытки возвести генеалогическое древо местных государей к тому историческому персонажу, который, по тогдашним представлениям, занимал особое место среди земных правителей, поскольку «сам спаситель пожелал родиться в царствование столь великого государя». ¹⁴ Происхождение «из рода Августа» обеспечивало правителю почетное место в кругу других государей и одновременно ставило его выше всей местной знати, не обладавшей столь замечательной генеалогией. ¹⁵

Легенды такого рода встречаются в средневековой литературе начиная с самых ранних ее памятников и вплоть до XVI в. В знаменитой «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова говорилось о том, что правители Византии принадлежат к «нескончаемой линии Августа». ¹⁶ Традиция «родословий от Августа» отразилась и в славянской письменности: болгарские книжники конца XII—начала XIII в. стремились связать род Асений с римской императорской семьей, ¹⁷ а в сербской литературе долго была распространена легенда о том, что Стефан Неманя «бысть великий жоупань от племена благочестиваго и корене ветвь, превнук Константине сестры великаго Константина, от племена Рашькаго господства и сьродства Августа кесаря». ¹⁸

Автор русского рассказа о потомках Августа мог знать или не знать те или иные из приведенных выше легенд, но им безусловно руководили те же представления, которые побуждали византийских или южнославянских писателей возводить их генеалогические постройки. Для сред-

¹¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 98.

¹² А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 154, 161, 166.

¹³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908, с. 65; К. Ротман. *Przeźsłość jako przedmiot wiary*. Warszawa, 1968, s. 14—28.

¹⁴ А. Нескани. *De laudibus divine sapientiae*. — In: Roma Aeterna. Hrg. von B. Kutzler. Zürich—München, 1972, S. 392. Ср. послание Ивана IV А. Полубенскому (1577 г.): «[Христос] божественным своим рождением Августа кесаря прославив — в его же кесарство родитися благоизволи, и его и тем воспрослави, и распространи его царство, и дарова ему не токмо римскую властью, но и всею вселенною владети» (Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 200).

¹⁵ G. Olšř. *Gli ultimi Rurikidi e le basi ideologiche della sovranità dello stato Russo*. Roma, 1947 (*Orientalia christiana periodica*, 1946, XII, № 3—4), p. 37.

¹⁶ *Cosmas Indicopleutis. Christiana topographia*. — In: J.-P. Migne. *Patrologia graeca*, t. 88. Paris, col. 115.

¹⁷ И. Дуйчев. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, с. 161.

¹⁸ Летопись царем сербскимъ. — Гласник друштва србске словесности, кн. XI, 1859, с. 144. В этой легенде подчеркивалось, что при Августе «роди се господь нашъ Исусъ Христосъ». (Л. Стояновић. Српски родослови и летописи. — Гласник Српског ученог друштва, кн. 53, 1884, с. 48).

невековой литературы это был хорошо проторенный путь, и усилия бывали обычно направлены скорее на поиски собственной тропинки, выводящей к нему, чем на то, чтобы торить иную, непохожую на него дорогу. Типологическое сходство рассказа об Августе и дарах Мономаха с генеалогическими легендами других народов не вызывает сомнений, причем оно не ограничивается «манерой псевдоисторических домыслов»,¹⁹ но и распространяется на их содержание, поскольку узловой точкой сюжета оказывается установление связи соответствующей династии с императором Августом и его державой.

Однако при очевидном тождестве типа сюжетов «августинской легенды» русская версия ее была оригинальной и опиралась не на чужеземные, а на отечественные литературные традиции. Автор рассказа использовал прием, который задолго до этого был уже применен в русской исторической литературе: приход к власти правящей в стране династии объявлялся результатом «призвания» братьев-князей, превосходивших местных жителей своей знатностью. Эпизод призвания Рюрика в рассказе о потомках Августа воспроизводит сюжетный ход «варяжской легенды» древнейшей русской летописи. При этом в рамки известия о призвании было вложено совсем другое содержание: старое предание, связывавшее род Рюриковичей с некогда могущественными, но давно сошедшими со сцены варягами, было заменено новой легендой, включавшей Русь в круг мировых держав. Эта литературная находка была тесно связана с целевой установкой автора и вряд ли могла быть заимствована им откуда-то уже в готовом виде.

В отличие от истории Пруса—Рюрика легенда о дарах Мономаха имела, по-видимому, более давнее происхождение. И. Н. Жданов, сопоставивший ее с другими литературными памятниками (Повесть о Вавилонском царстве, рассказ о венчании Владимира Святославича и др.), пришел к выводу о существовании предшествовавшего ей древнерусского устного предания, согласно которому «какой-то князь Владимир вел войну с греками, одолел их и получил от побежденных богатые дары».²⁰ Однако и этот сюжет претерпел в рассказе существенную трансформацию, в результате чего мысль о причастности Руси к числу мировых держав была в нем значительно усилена.

Таким образом, легендарно-политическое сказание о потомках Августа и о дарах Мономаха, отразившее в своем содержании традиционные для средневековой христианской культуры идеи, давало их в формах, тесно связанных с мотивами и сюжетами древнерусской литературы.

Когда и при каких обстоятельствах сложились редакции рассказа?

При перечислении литовских правителей в заключительном фрагменте ПСС, РА, ПА, КР упоминается «Жигмонт краль нынешний». Король Сигизмунд I (о котором идет речь) правил с 1507 по 1548 г., и, следовательно, общий источник текста, содержащегося в ПСС, РА, ПА, КР, был создан в рамках этого периода.

А. А. Зимин, относящий возникновение рассказа к более раннему времени, утверждает, что фрагмент, в котором говорится о Сигизмунде I, «носит характер вставки».²¹ Однако единственный аргумент А. А. Зимина — отсутствие данного фрагмента в списке ПА: ГБЛ, Волон., 627, — неубедителен, поскольку в этом списке текст ПА вообще не доведен до конца. Между тем в остальных двух списках ПА (Чудов., 264, и Румянцев., 253),

¹⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 101.

²⁰ Там же, с. 118—133; Д. Прозоровский. Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху. СПб., 1880, с. 16.

²¹ А. А. Зимин. Античные мотивы... с. 134.

а также в ряде списков других редакций рассказа этот фрагмент присутствует,²² так что нет оснований противопоставлять его остальному тексту и пренебрегать им при датировке начального этапа истории рассказа.

Важное наблюдение было сделано И. Н. Ждановым, отметившим, что в ПСС упоминаются во множественном числе двоюродные братья Василия III — «Андреевичи». Поскольку об обоих «Андреевичах» говорится как о здравствующих лицах, то, следовательно, этот текст написан до смерти Ивана Андреевича в 1523 г.²³

Анализ содержания рассказа дает возможность еще точнее установить время создания его протографа. Так, до сих пор не находило объяснения то обстоятельство, что легендарная генеалогия русских правителей выводила их род из «Прусской земли». В самом деле: почему автору рассказа пришла на ум именно эта страна? Ведь владения обосновавшегося там Тевтонского ордена никогда не граничили с русскими землями, да и сношения Пруссии с Россией на протяжении почти всей истории Московского государства носили случайный характер.

Впрочем, был период, когда московские правители не только установили тесный контакт с прусскими властями, но и заключили с ними союз, подкрепленный (едва ли не единственный раз в дипломатической практике Руси XVI в.) солидной денежной субсидией, направленной из Москвы в Кенигсберг.²⁴ В 1517 г. был подписан договор о совместных действиях Московского государства и Тевтонского ордена против Сигизмунда Ягеллона. Правда, союз этот оказался малоэффективным и не принес никаких результатов,²⁵ однако никогда — ни до, ни после этого — прусские дела не представляли для Московской Руси такого серьезного интереса.

Главной целью Тевтонского ордена было возвращение под его власть земель, отошедших к Ягеллонам по условиям Торуньского мира 1466 г. В русских дипломатических документах 1520 г. об этих землях говорится вполне конкретно: «. . . магистру. . . доставати тех своих городов, которые король держит за собою его города пруские неправдою: Гданеск, Торунь, Марборок, Хвойницу».²⁶

А теперь вернемся к нашему рассказу. При описании «раздела вселенной» Августом здесь говорится (в скобках разночтения по другим спискам): «. . . (постави) Пруса в брезех Вислы реки в град, глаголемый Морборок (Марборок), и Торун, и Хвоиница, и пресловы Гданеск (и иных многих градов)».

Как видим, автор, описывая родину Рюриковичей, упоминает именно о тех прусских городах, которые были предметом спора между Тевтонским орденом и государством Ягеллонов.²⁷ Вряд ли это было случайным совпадением. Вернее будет предположить, что рассказ об Августе был создан как раз в то время, когда вопрос о прусских городах был для московских властей особенно злободневным.

²² ПСС: ГИМ, Синод., 791, БАН, 34.2.31; КР: ГИМ, Вахрамеев, 435.

²³ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 68.

²⁴ K. F o r s t r e u e r. Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen. Göttingen, 1955, S. 83—100; E. D o n n e r t. Russland an der Schwelle der Neuzeit. Berlin, 1972, S. 291.

²⁵ В. Н. Б а л я з и н. Россия и Тевтонский орден. — ВИ, 1963, № 6, с. 71.

²⁶ Сборник Русского исторического общества, т. 53. СПб., 1887, с. 201. Ср.: там же, с. 209, 229—230, 238. Речь идет о нынешних городах: Гданьске, Торунь, Малборке и Хойнице.

²⁷ Сочетание названных четырех городов впервые появляется в русской дипломатической переписке в 1520 г. Ранее говорилось, что «за королем польским Прусская земля Гданеск, да Хвойницы, да Турун и иные городы» (документы 1489 и 1498 гг. — Сборник Русского исторического общества, т. 53, с. 40, 97), или «города прусские Данеск, да Торунь, да Виена (?), Хвойница» (документы 1517 и 1519 гг. — Сборник Русского исторического общества, т. 53, с. 29, 141).

Дальнейшее содержание изучаемого нами произведения также тесно связано с событиями 1510-х годов. Р. П. Дмитриева указала в свое время на связь тематики ПСС с проблемами, злободневными для Московского государства тех лет, и в частности — с вопросом о царском титуле и об порядке венчания русских правителей.²⁸ Речь идет о расширявшейся практике употребления титула «царь» в русской и иностранной дипломатической переписке²⁹ и о попытках папы Льва X навязать Василию III принятие царской короны из папских рук («царя всеа Русии хочет короновати в христианского царя»)³⁰. Возрождение старинной легенды, напоминавшей о древности имеющихся на Руси «царских регалий», было в тот момент весьма актуальным.

Столь же злободневным был тогда и вопрос о взаимоотношениях русской церкви и папского престола. Папа Лев X в 1519 г. сообщил о своем желании принять Василия III «и всех его людей Русские земли в едначество и согласие римские церкви».³¹ Московские власти начисто отвергли этот план, поскольку в России господствовало убеждение в том, что западная церковь уклонилась от «православных веры христианские». Включение в рассказ о дарах Мономаха эпизода, напоминающего об обстоятельствах церковного раскола XI в., представляется в этом свете вполне закономерным.

Наконец, объяснимо и обращение автора рассказа к повествованию о литовских князьях, созданном, видимо, еще в середине XV в. на тверской почве.³² Мы пока не знаем, каким именно образом оно оказалось в руках московских книжников, но можно понять, какой ценной находкой был для них этот антилитовский памфлет. Ведь начиная с 1512 г. Московское государство вело новую войну с Литвой, прерывавшуюся малопродуктивными переговорами и вновь продолжавшуюся вплоть до перемирия 1522 г. В такой обстановке обе стороны особенно ревниво оберегали авторитет своих государей. Присоединение ко вновь созданному рассказу, устанавливающему связь русской государственности с мировыми державами, истории литовских князей, происходивших якобы от «раба» Гедимина, подчеркивало превосходство русской династии над правителями соседней Литвы.

Итак, исходная версия рассказа, судя по всем данным, была создана в конце 1510-х—начале 1520-х годов. Кто же мог быть ее автором? По поводу этого высказано несколько предположений.

Х. Шедер считала, что к созданию рассказа был причастен прусский посол в России Д. Шенберг, придумавший легенду о происхождении русских князей от Августа, чтобы польстить Василию III.³³ Однако, как уже говорилось выше, сюжет всего рассказа, и этой легенды в частности, свидетельствует о таком знании традиций русской историографии, какое вряд ли имелось у прусского посла. Кроме того, как заметил И. Н. Жданов, имена персонажей античных эпизодов рассказа приводятся в форме, присущей не западноевропейской, а греко-славянской письменности (Врутос, Патрикий и т. д.), что заставляет искать его автора в восточноевропейской культурной среде.³⁴

²⁸ Р. П. Дмитриева. Сказание... с. 102—105.

²⁹ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 140—141.

³⁰ Из речи прусского посла Д. Шенберга в Москве в 1519 г. — Сборник Русского исторического общества, т. 53, с. 86.

³¹ Сборник Русского исторического общества, т. 53, с. 86; Ф. Успенский. Сношения Рима с Москвою. — ЖМНП, ч. ССXXXIV, 1884, с. 390—391.

³² Я. С. Лурье. [Рец. на кн.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955]. — ИОЛЯ, т. XV, 1956, *вып. 2, с. 172.

³³ H. Schaedel. Moskau das Dritte Rom. Darmstadt, 1957, S. 102.

³⁴ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 102.

Сам И. Н. Жданов предположил, что изучаемое нами сочинение «вышло из-под услужливого пера. . . Пахомия Сербина, который много и охотно работал по заказу московского правительства».³⁵ Эта догадка была порождена стремлением И. Н. Жданова установить прямую связь легендарной генеалогии русских князей с сербскими литературными источниками. Между тем наличие такой связи весьма проблематично, и это ставит под сомнение гипотезу И. Н. Жданова, тем более что он сам доводит деятельность Пахомия Сербина (Логофета) лишь до 1480—1490-х годов, а рассказ, по-видимому, был создан несколькими десятилетиями позже.

По мере изучения рассказа увеличиваются наши знания о круге интересов и эрудиции его автора. Хотя в первоначальной редакции рассказа отсутствовали дословные выписки из письменных источников, однако сохранилось немало следов знакомства автора с Библией, хронографической литературой, летописями, «Александрией» и устными русскими преданиями. Уделяя сравнительно меньше внимания церковным сюжетам, он охотно описывал войны, дипломатические переговоры и речи государственных мужей. Любая попытка идентификации автора должна исходить из учета данных обстоятельств.

В этом свете вызывает особый интерес литературная деятельность русского дипломата и переводчика Дмитрия Герасимова. Известно, что он получил образование в Ливонии, был активным членом литературного кружка новгородского архиепископа Геннадия, участвовал в переводе библейских книг и продолжал переводческую работу вплоть до 1530-х годов, причем наряду с церковно-служебными и богословскими сочинениями переводил труды светского содержания (латинская грамматика и др.).³⁶ Н. А. Казакова по праву считает деятельность Д. Герасимова «одним из наглядных примеров начинавшегося в то время процесса секуляризации русской культуры».³⁷

В 1525 г. Д. Герасимов был отправлен послом в Рим и там беседовал с известным писателем Паоло Джовио, рассказавшим об этих беседах в своей книге.³⁸ По словам Джовио, Д. Герасимов «был послом при королях шведском и датском и великом магистре прусском»³⁹ и при описании Московии отмечал, какой частью она «обращена к Пруссии»⁴⁰ и с какой стороны «середина Пруссии и Ливонии входит в московские пределы».⁴¹ В разговоре был поднят, среди прочего, вопрос об императорских регалиях, причем Д. Герасимов обнаружил знание «древних обычаев», на основе которых вручались эти регалии.⁴² Наконец, рассказывая своему собеседнику о состоянии книжного дела на Руси, Д. Герасимов сообщил, что, «кроме отечественных летописей. . . , у них имеется история Александра Великого, римских цезарей, а также Марка Антония и Клеопатры».⁴³

Конечно, совпадение всех этих деталей с содержанием рассказа может оказаться случайным. И тем не менее нельзя обойти это молчанием, по-

³⁵ Там же, с. 111.

³⁶ Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, с. 199, 266, 272, 499.

³⁷ Н. А. К а з а к о в а. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 266.

³⁸ Павел Иовий Н о в о к о м с к и й. Книга о московском посольстве. — В кн.: С. Г е р б е р ш т е й н. Записки о московских делах. СПб., 1908.

³⁹ Павел Иовий Н о в о к о м с к и й. Книга о московском посольстве, с. 252.

⁴⁰ Там же, с. 257.

⁴¹ Там же, с. 260.

⁴² Там же, с. 255.

⁴³ Там же, с. 271.

скольку автором рассказа был, по всей вероятности, человек именно такого склада, как Д. Герасимов, — хорошо эрудированный, имеющий опыт литературной работы и способный воплотить в конкретной форме новые историко-политические идеи, сложившиеся в московских правящих кругах.⁴⁴

В числе возможных авторов рассказа называют и опального митрополита Спиридона-Савву, «Послание» которого к неизвестному адресату содержит одну из редакций изучаемого произведения. Р. П. Дмитриева, скрупулезно собравшая биографические данные о Спиридоне-Савве, считает, что ПСС было первоначальным вариантом рассказа и что все последующие редакции являются результатом «дальнейшей обработки ПСС».⁴⁵

Эта гипотеза вызывает серьезные сомнения. Ведь первые же слова ПСС дают основание считать, что Спиридон не сочинял рассказ заново, а лишь воспроизводил уже известную его заказчику историю.⁴⁶ Оригиналом, воспроизведенным в ПСС, явилась наиболее ранняя редакция рассказа, которая не включала прямых цитат и дат, почерпнутых из письменных источников. Детальный анализ показывает, что в большинстве случаев ПСС содержит наиболее ранние из всех известных нам чтений. В большинстве случаев — но не во всех! Можно обнаружить в ПСС чтения, которые, по всей видимости, хуже передают текст протографа, нежели другие редакции рассказа.

Так, в ПСС отсутствует упоминание о родстве Пруса с Августом, хотя основной смысл рассказа состоит в выведении генеалогии русских князей через Пруса и его потомков из рода Августа.⁴⁷ Вместе с тем ПСС вносит дополнительные черты в характеристики некоторых упоминаемых в рассказе деятелей: здесь говорится, что Август был венчан «внемцем римскаго царства в похвалу добродеем, а в местъ злодеем»;⁴⁸ о Владимире Святославиче сказано: «... просветивый землю Русскую святым крещением, нареченный в святом крещении Василие»; князь великий Свеслав (Святослав) Игоревич, «порекою мыи Легкы, иде в галиахх (ладиях) на двою тысящъ (и седмиюсот), и взят на Константинове граде тяжчайшую дань, и възвратися в свое отечество». Более вероятно предположить, что эти и некоторые другие детали были внесены Спиридоном-Саввой, нежели считать отсутствие их в других вариантах рассказа результатом сокращений, осуществленных при его редактировании. Таким образом, признавая близость ПСС к первоначальной редакции рассказа, мы не считаем их идентичными и не разделяем мнения Р. П. Дмитриевой о том, что автором рассказа был Спиридон-Савва.

Следующим этапом литературной истории рассказа явилась его вторая редакция, об основных чертах которой дает представление сборник БАН, Арх. Д., 193, включающий текст рассказа и повествования вперемежку с летописными и родословными записями. В тексте РА исключено содержавшееся в ПСС упоминание об Ивановичах и Андреевичах — это

⁴⁴ Предположение о том, что «теория родства великих князей с императорами древнего Рима» была создана «московскими дипломатами», высказал в свое время Д. С. Лихачев (Национальное самосознание Древней Руси, М.—Л., 1945, с. 102—103).

⁴⁵ Р. П. Дмитриева. 1) Сказание... с. 71; 2) О некоторых источниках «Послания Спиридона-Саввы». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 441—445.

⁴⁶ «Слышание мое, еже потребовал еси от нас своим писанием и нашими черньцы, ищучи от нас неких прежних лет ото историкиа Ханаонова предела».

⁴⁷ В РА, ПА, СКВ-1, СКВ-2, ПН Прус именуется «сродником» Августа, а в родословных книгах — его «братом».

⁴⁸ В разрядку даны слова, содержащиеся только в ПСС и отсутствующие в других редакциях.

могло быть связано со смертью Ивана Андреевича в 1523 г. и с обострением отношений между Василием III и его удельными братьями после вступления великого князя во второй брак в 1525 г. Кроме того, в заключительном фрагменте РА содержатся хронологические расчеты, согласно которым «протече же до нынешняго времени от Августа лет 1578. А от начала великаго князя Рюрика первого русскаго до нынешнего лета 7035-го протече лет 665». Таким образом, создание второй редакции рассказа относится к периоду между 1523 и 1527 гг.

Главной особенностью этой редакции является корректировка первоначального текста рассказа на основе ряда источников. Так, например, в РА введена отсутствующая в ПСС фраза: «. . . и истреви Ное от вина и разуме, елико сътвори ему сын его менший, и рече: „Проклят буди Хам, раб братама своима“». Эта фраза, воспроизводящая (неточно) библейский текст (Кн. Бытия, IX, 24—25), встречается в древнерусских памятниках, причем в одних случаях Хам именуется просто «сыном» Ноя,⁴⁹ в других — «средним сыном» (в соответствии с библейским рассказом)⁵⁰ и лишь в некоторых — «меньшим сыном».⁵¹ Последний вариант и был перенесен в текст рассказа создателем второй редакции. Из Хронологической Александрии перенесен в РА расчет времени правления Александра Македонского.⁵²

В отличие от первоначальной редакции, отраженной в ПСС, известие о приходе Рюрика во второй редакции датировано. Примечательно, что призвание Рюрика отнесено к 6370/862 г., т. е. эта дата заимствована из традиционного летописного известия о призвании варягов. Так вновь созданная легенда вводилась в общепризнанные рамки русской истории.

Особенно много дат и выписок из летописи составитель второй редакции ввел в повествование о литовских князьях, существенно изменив при этом его содержание: если в ПСС описываются взаимоотношения литовских правителей с тверскими князьями и ни слова не сказано о московских князьях, то в РА упоминаются как тверские правители, так и их московские современники, причем московским князьям отводится более почетное место, что куда больше соответствовало не только летописному рассказу, но и политической конъюнктуре начала XVI в.

Конъюнктурными соображениями объясняются и многие другие изменения, внесенные во вторую редакцию повествования. Было, в частности, учтено происхождение новой жены Василия III — Елены Глинской, поскольку о ее предках — литовских князьях — говорится здесь гораздо почтительнее, чем в ПСС. Среди известий о потомках Гедимины в РА появился отсутствующий в ПСС рассказ о пленении сына Гедимины — Наримонта татарами, о выкупе его из Орды Иваном Калитой и о принятии им христианской веры. Сравнение рассказа о Наримонте, содержащегося в РА, с версией его, представленной в сочинении, именуемом «Начало государей литовских»,⁵³ показывает, что текст РА вторичен по сравнению с «Началом» и в него внесены изменения «в пользу» Наримонта.

Привлечение этой истории свидетельствовало об особом интересе редактора к потомкам Наримонта. Наиболее известным из них в то время

⁴⁹ Хронограф 1512 г. — ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 30.

⁵⁰ А. Н. П о п о в. Книга бытия небеси и земли (Палея историческая). М., 1881, Приложения, с. 15.

⁵¹ Еллинский летописец II редакции: ГПБ, Кирил.-Белозер., 1/6, л. 24; Троицкий хронограф: ГПБ, Новое собрание рукописных книг, 1918, F.27, л. 4; ГБЛ, Ундол., 1, лл. 9 об.—10.

⁵² В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов. М., 1893, Примечания, с. 241.

⁵³ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стлб. 597.

был Василий (Вассиан) Патрикеев. Еще в заключительной части ПСС было приведено (очень неточно) родословие В. Патрикеева. В РА оно дополнено рядом подробностей, заимствованных, по-видимому, из того же «Начала государей литовских». ⁵⁴ Корректировка родословия В. Патрикеева, так же как и включение фрагмента о его предке — Наримонте могут объясняться, по-видимому, тем, что создатель второй редакции рассказа и повествования был близок к кругу сторонников князя Василия, находившегося до конца 1520-х годов в числе ближайших советников Василия III. ⁵⁵ Напомним, кстати, что та часть сборника БАН, Арх. Д., 193, в которую входит комплекс РА, была написана в конце 1520-х годов в мастерской близкого к В. Патрикееву М. Медоварцева. ⁵⁶ Все это еще более укрепляет нас в мнении о том, что вторая редакция изучаемого нами сочинения была создана в 1523—1527 гг., ибо позднее В. Патрикеев оказался в опале, завершившейся преданием его в 1531 г. соборному суду по обвинению в ереси.

Третья редакция рассказа удержала все коррективы, внесенные во вторую редакцию, и включила результаты новой сверки рассказа и повествования с хронографическими и летописными источниками. Особый интерес представляет появившийся в ПА, КР, СКВ, ПН и отсутствующий в первой (ПСС) и второй (РА) редакциях эпизод встречи императора Августа с правителем Иудеи — Иродом. По совету О. В. Творогова, было произведено сравнение этого фрагмента с текстом так называемого Троицкого хронографа. ⁵⁷

Троицкий хронограф

ПА

Августу же кесарю грядущу с вои многы на брань Клеопатрину, сrete Ирод, творя ему велику службу вои же и пищу. Предаст же бог Клеопатра (!) в руци Августу царя, и оттоле преста сила егупетская (!).

В лето 5457 Августу, кесарю римскому, грядущу во Египет со многими вои на брань Клеопатрину, понеже бе прияла власть египетскую рода суще Птолемева. И сrete его (Ирод) Антипатров сын, творя ему велику службу вои и пищу. Предай же бог Египет и Клеопатру в руце Августу.

Как видим, создатель третьей редакции рассказа, отразившейся в ПА, обнаружив в Троицком хронографе близкое к сюжету рассказа известие о встрече Августа с Иродом, включил этот фрагмент в изучаемое нами произведение, предпослав ему дату, согласующуюся с летописной традицией. ⁵⁸ Текст повествования в третьей редакции был дополнительно откорректирован по летописи и восполнен отсутствовавшими во второй редакции летописными известиями (о поездке в 6825/1317 г. в Орду Юрия

⁵⁴ Там же, стлб. 598.

⁵⁵ Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 72.

⁵⁶ Предположение о причастности В. Патрикеева к созданию исходной редакции рассказа было впервые высказано Р. П. Дмитриевой (Сказание о князьях владимирских, с. 82), любезно обратившей впоследствии мое внимание на статью: Н. В. С и н и ц ы н а. Книжный мастер М. Медоварцев. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 317.

⁵⁷ Список начала XV в. ГБЛ, Троицко-Серг., 728, л. 347 об.; список XV в. — ГПБ, НСРК, 1918, Ф.27, л. 291 об.; список конца XV в. — ГБЛ, Ундол., 1, л. 379 об. О списках Троицкого хронографа см. в статье: Б. М. К л о с с. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 32. М., 1971, с. 65.

⁵⁸ См. Сокращенный летописный свод 1495 г.: «Бывает убо всех лет от Адама до начала царства Августова по известным летописцем лет 5400 и 57» (ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 303). Ср.: ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 247.

Даниловича Московского и Михаила Ярославича Тверского, ⁵⁹ о доблестях Ольгерда ⁶⁰ и др.).

Третья редакция рассказа представлена в КР (включающем позднейшие интерполяции) и ПА. Особое внимание ПА уделил А. А. Зимин, считающий, что ПА (или «Чудовская повесть», как он ее называет) «даёт первоначальный текст рассказа». ⁶¹ Согласно гипотезе А. А. Зимина, создание рассказа следует поставить в связь с венчанием внука Ивана III — Дмитрия Ивановича (1498 г.), когда впервые были использованы упомянутые в рассказе «барма и шапка Мономаха». ⁶² Решающее значение А. А. Зимин придает присутствию в сборнике ГИМ, Чудов., 264, содержащем самый ранний список ПА, «чина поставления» Дмитрия Ивановича: именно это обстоятельство, по его мнению, свидетельствует о старшинстве ПА по сравнению с другими редакциями рассказа.

Следует напомнить, что Чудовский сборник написан в 1540 г. ⁶³ Правда, входящие в его состав произведения созданы, как правило, до начала XVI в., однако соединение их в одном сборнике с ПА само по себе не является гарантией того, что последняя возникла одновременно с ними, а не позднее. К тому же в Чудовском сборнике находится отнюдь не лучший список ПА (уступающий, например, во многих отношениях, более позднему списку — ГБЛ, Румянцев., 253), тогда как, по смыслу гипотезы А. А. Зимина, именно Чудовский сборник должен был бы содержать текст в том первоначальном виде, какой сложился в момент венчания Дмитрия Ивановича. И, наконец, самое главное: сопоставление всех известных вариантов рассказа свидетельствует о старшинстве ПСС и РА по сравнению с ПА, носящей многочисленные следы дополнительной редакторской правки.

Важным доводом в пользу своей гипотезы А. А. Зимин считает то, что при перечислении князей Патрикеевых в ПА В. Патрикеев назван мирским, а не монашеским именем, тогда как в ПСС упомянут «князь Василий, нареченый Васиян», и это А. А. Зимин объясняет тем, что ПА (в отличие от ПСС) была создана до пострижения В. Патрикеева (1499 г.). ⁶⁴ Однако мирское имя В. Патрикеева присутствует и в РА, датированном 1527 г., причем перенесено оно сюда из уже упомянутого выше «Начала государей литовских». Следовательно, наличие в ПА мирского имени князя Василия говорит не о том, что ПА создана до 1499 г., а о зависимости третьей редакции, представленной в ПА, от второй редакции, уже содержащей это заимствованное из другого источника именование.

Таким образом, гипотеза А. А. Зимина не находит текстологического подтверждения.

Создание третьей редакции следует, очевидно, отнести к 1530 г. Несколько позднее возникла четвертая редакция рассказа, известная под названием «Сказание о великих князьях владимирских». Название это относится только к двум вариантам рассказа (СКВ-1 и СКВ-2), и распространять его на весь изучаемый цикл памятников столь же неправомерно, сколь переносить название одного сравнительно поздно сложившегося вида на все семейство исследуемых явлений.

⁵⁹ ПСРЛ, т. VII, с. 188; т. XVI. СПб., 1889, с. 62; т. XXVII, с. 56.

⁶⁰ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 236; т. VII, с. 207; т. XVI, с. 103; т. XXIV. Пгр., 1921, с. 117, и др.

⁶¹ А. А. З и м и н. Античные мотивы. . ., с. 129, 137.

⁶² Там же, с. 133.

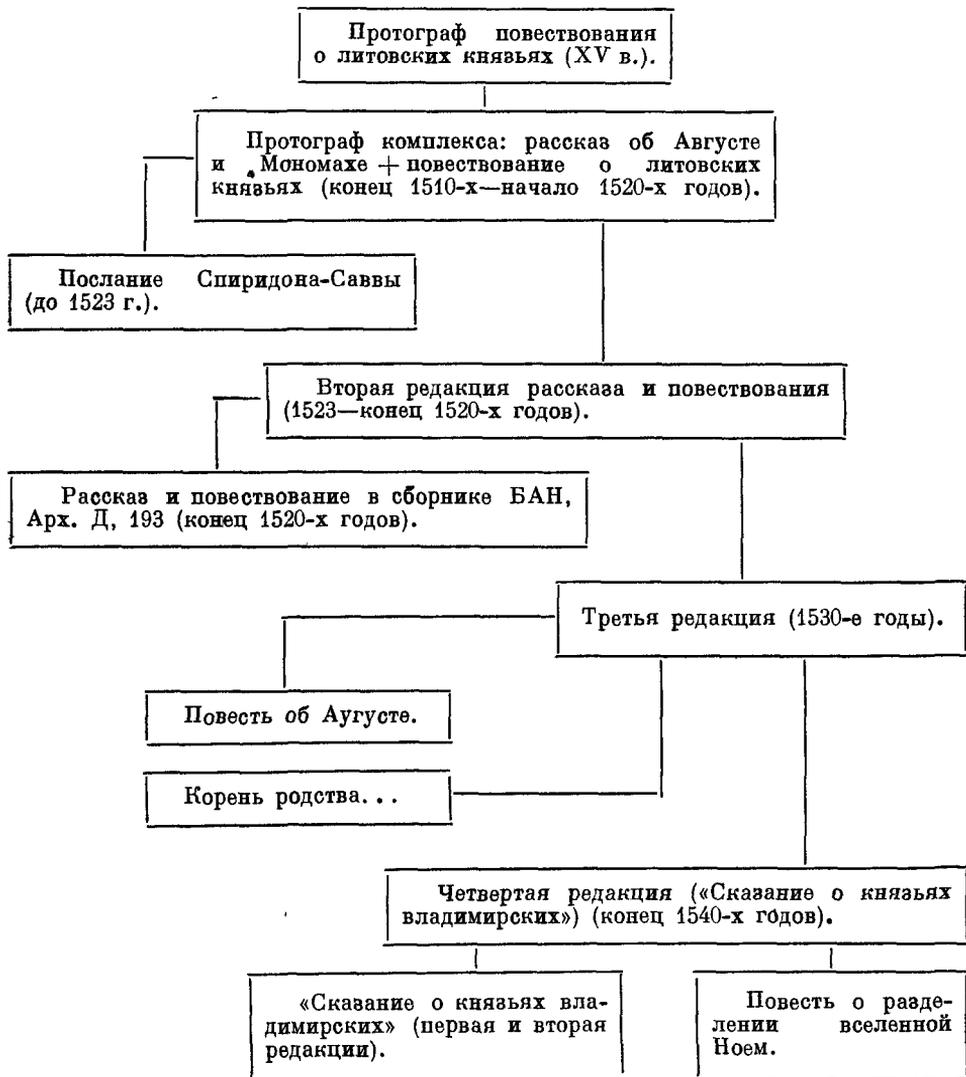
⁶³ Т. А. С у м н и к о в а. Чудовский сборник. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, с. 126.

⁶⁴ А. А. З и м и н. Античные мотивы. . ., с. 134.

Существенно важным является разночтение в заключительной фразе эпизода о Мономахе: «И оттоле и доныне тем венцем венчаются царским велиици князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Конь-стянтин Манамах». Слова «и доныне» отсутствуют во всех остальных вариантах рассказа, кроме СКВ-1, ПН и СКВ-2. Появление этих слов объясняется, видимо, тем, что данная редакция сложилась в связи с торжественным венчанием на царство Ивана IV в 1547 г.

Плодотворно наблюдение Р. П. Дмитриевой, отметившей, что «списки СКВ-1 так или иначе связаны с родословными книгами», а также ее предположение, согласно которому «связь между „Сказанием“ и родословными книгами обусловлена тем, что „Сказание“ первой редакции использовалось как вступительная статья к ним».⁶⁵ Продолжая эти наблюдения,

Схема. Литературная история рассказа об Августе и дарах Мономаха

⁶⁵ Р. П. Дмитриева. Сказание... с. 35—36.

можно установить, что СКВ-1 встречается в определенной группе родословных книг, а именно — в книгах, содержащих редакцию «в 43 главы с приписями» (вторая половина XVI в.).⁶⁶ Это — единственная группа родословных книг, включающая полный текст рассказа и повествования о князьях литовских в отличие от остальных родословных книг, использующих лишь фрагменты рассказа. Возможно, что СКВ-1 представляет собой такой вариант четвертой редакции рассказа, который был предназначен специально для этой группы родословных книг и в таком случае появился на свет одновременно с нею.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы (см. схему).

Исходная редакция рассказа о происхождении русских князей и их регалий, созданная в конце 1510-х—начале 1520-х годов, представляла собой легендарно-политическое сказание, не включавшее прямых заимствований из других произведений русской письменности. Это сказание было объединено в рамках одного литературного комплекса с ранее созданным повествованием о литовских князьях. Наиболее точное представление о тексте этой исходной редакции (протографа) рассказа дает ПСС, написанное до 1523 г.

В результате переработки рассказа была создана (в 1523—1527 гг.) вторая его редакция, главным отличием которой было приведение текста в соответствие с традиционными историческими источниками и придание повествованию о литовских князьях иной политической направленности. Текст второй редакции лучше всего представлен в РА. Дальнейшая обработка рассказа привела к созданию третьей (1530-е годы) и, наконец, четвертой редакции, озаглавленной «Сказание о великих князьях владимирских» (около 1547 г.).

Вся эта редакционная правка не изменила основной идейной направленности рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха. Изложенная в нем идея связи русского государства с мировыми державами полностью сохранила свое содержание.

В ходе подготовки к печати данного тома Трудов автор имел возможность ознакомиться с публикуемой ниже полемической статьей Р. П. Дмитриевой. Приведенные в ней дополнительные аргументы в поддержку гипотезы о том, что ПСС является исходной редакцией изучаемого рассказа, представляются автору весьма серьезными. Однако мнение Р. П. Дмитриевой о взаимоотношении последующих редакций рассказа, с точки зрения автора, спорно, и он надеется более подробно изложить текстологические исследования этих памятников в своих дальнейших работах.

---

⁶⁶ М. Е. Бычкова. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 56—58.